

ДУЭЛИ В БИОГРАФИИ А.С. ПУШКИНА

Кажется, нет более затертой и исследованной темы, чем последняя дуэль и гибель Пушкина. Действительно, в классические работы П. Щеголева, С. Абрамович, А. Ахматовой, Н. Эйдельмана и других авторов собран и обобщен богатейший фактический материал, проанализированы причины, ход событий, приведшие к поединку с Ж. д'Антесом и смерти поэта. Но вместе с тем предшествующие пушкинские дуэли (с В.К. Кюхельбекером, С.Н. Старовым, одним из братьев Зубовых) и многочисленные дуэльные столкновения (формальные вызовы, не окончившиеся поединком), само поведение Пушкина «у барьера» оказались «за бортом» пушкинистики, о них упоминают вскользь, а темой отдельного исследования они почти никогда не были. Между тем, дуэли были неотъемлемой частью жизни поэта.

Эта работа - попытка свести воедино основные свидетельства современников о пушкинских поединках и столкновениях до 1836 года. Необходимость создания дуэльной биографии Пушкина очевидна. Это богатейший биографический пласт, сведения об окружении поэта, модель поведения человека в экстремальной ситуации, история эпохи. Такие материалы уже публиковались [Николаев Е. Четырнадцать дуэлей Пушкина // Российская провинция. 1996. №4. С.96-103; Дуэли Александра Пушкина. – М., Тула, 1994. 127с.], но в них изложены не все источники, и они не комментированы.

В сводной таблице в конце этой статьи автором впервые собраны и систематизированы все известные дуэли и дуэльные столкновения А.С. Пушкина.

Ссора с С.И. Ганнибалом

(15 (?) июля ... 18 (?) августа 1817). Михайловское

Пушкинская дуэльная биография начинается с вызова летом 1817 года в Михайловском или Петроевском Семена Исааковича Ганнибала -- родственника со стороны матери, внука «арапа Петра Великого». Сам факт вызова маловероятен: рассказавший о нем Л.Н. Павлищев, племянник Пушкина, в своей хронике много добавлял от себя.

«Пушкин, только что выпущенный тогда из лицея, очень его полюбил, что однако не мешало ему вызывать Ганнибала на дуэль за то, что Павел Исаакович (ошибка дядю Пушкина звали Семен Исаакович -- авт.) в одну из фигур копытюна отбил у него девицу Лошакову, в которую, не смотря на ее турпосу и всгавные зубы, Пушкин по уши влюбился. Ссора племянника с дядей кончилась минут через десять мировои и новыми увеселениями, да пляскои при чем Павел Исаакович за ужином провозгчался под влиянием Вакха

Хоть ты, Сапа, среди баба
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, си-богу, Ганнибал
Ссорой не поди адил бац!

Александр Сергеевич тут же, при публичке, бросился к нему в объятия»
[Павлищев Л.Н. Из семейной хроники // Вересаев В.В. Т.2. С. 86]

Поединок с В.К. Кюхельбекером

(9 сентября ... 29 (?) декабря 1819). Петербург

Вильгельм Кюхельбекер, пушкинский товарищ по Лицею, отличавшийся эксцентрическим поведением и неуравновешенностью характера, был, по свидетельству М.А. Корфа, «предметом постоянных и неотступных насмешек целого Лицея за свои странности, неловкости и часто уморительную оригинальность». Пушкинские эпиграммы на Кюхельбекера («Вот Виля - он любовью

дышит», «Эпиграмма на смерть стихотворца», строки в «Пирующих студентах» и др.) часто приводили к ссорам и обидам. Дуэль с Пушкиным вызвала массу пересудов.

«Кюхельбекер, как и многие тогдашние молодые стихотворцы, хаживал к Жуковскому и отчасти надоедал ему своими стихами. Однажды Жуковский куда-то был зван на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: «Я еще накануне расстроил себе желудок, к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома». Это рассмешило Пушкина, и он стал преследовать неоглязчиво о поэта стихами:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошью --
Так было мне, мой дружка,
И Кюхельбекерно, и тошно!

Выражение *мне Кюхельбекерно* сделалось поговоркою во всем кружке. Кюхельбекер взбесился и требовал дуэли. Никак нельзя было уговорить его. Дело было зимою. Кюхельбекер стрелял первый и дал промах. Пушкин кинул пистолет и хотел обнять своего товарища, но тот неистово кричал: стреляй, стреляй! Пушкин насилью его убедил, что невозможно стрелять, потому что снег набился в ствол. Поединок был отложен, и потом они помирились. Яков - слуга Жуковского» [П.И. Бартенев. Пушкин в южной России // Бартенев П. И. - С 189].

«При всей дружбе к нему (В. Кюхельбекеру -- авт.) Пушкин очень часто выводил его из терпения; однажды до того ему надоел, что вызван был на дуэль. Они явились на Волково поле и затеяли стреляться в каком-то недостроенном фамильном склепе. Пушкин очень не хотел этой глупой дуэли, но отказаться было нельзя. Дельвин был секундантом Кюхельбекера, он стоял налево от Кюхельбекера. Решили, что Пушкин будет стрелять после. Когда Кюхельбекер начал целиться, Пушкин закричал: «Дельвин, стань на мое место, здесь безопаснее». Кюхельбекер взбесился, рука дрогнула, он сделал пол-оборота и пробил фуражку на голове Дельвига. «Послушай, товарищ, -- сказал Пушкин, -- без лести -- ты стоишь дружбы; без эпиграммы -- пороку не стоишь», -- и бросил пистолет» [Маркевич Н.А. Из воспоминаний // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. - М., 1980. Т.2. С.291-292].

Ссора с М.А. Корфом
(июль(?) 1818 ... 1819). Петербург

Барон Модест Андреевич Корф -- лицейский товарищ Пушкина, в дальнейшем директор Публичной библиотеки, член Государственного совета, граф -- автор достаточно пристрастных воспоминаний о Пушкине. Отношения Пушкина и Корфа в Лицее были холодными, такими же и оставались впоследствии. После окончания Лицея они жили в одном доме на набережной Фонтанки у Калинкина моста. Столкновение с Корфом произошло, вероятно, в 1819 году, после дуэли с Кюхельбекером. О нем известно только по записи Л.Н. Павлищева.

«Пушкин и барон М.А. Корф жили в одном и том же доме; камердинер Пушкина, под влиянием Бахуса, ворвался в переднюю Корфа с целью завести ссору с камердинером последнего. На шум вышел Корф и, будучи вспыльчив, прописал виновнику беспокойства *argumentum baculinum* <доказательство палкой> (побил палкой). Побитый пожаловался Пушкину. Александр Сергеевич вспылил в свою очередь и, заступаясь за слугу, немедленно вызвал Корфа на дуэль. На письменный вызов Корф ответил также письменно: «Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы не потому, что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер» [Павлищев Л.Н. Воспоминания об А.С. Пушкине // Вересаев В.В. Т. 2. С. 117].

Столкновение с майором Денисевичем (декабрь 1819). Петербург

Иван Иванович Лажечников -- известный русский исторический писатель, с октября 1818 года был адъютантом шефа лейб-гвардии Павловского полка генерал-адъютанта графа А.И. Осгермана-Толстого, в доме которого, вероятно, в декабре 1819 года Лажечникову удалось предотвратить дуэль Пушкина с майором Денисевичем.

« < ... > Рассказ об этом случае прибавит несколько замечательных строчек к его биографии. Должен я также засвидетельствовать, что все лица, бывшие в нем главными деятелями (кроме историка, ванего покорного слуги), уже давно померли, и поэтому могу говорить о них свободно.

Квартира моя в доме графа Осгермана-Толстого выходила на Галерную. Я занимал в нижнем этаже две комнаты, но первую от входа уступил приехавшему за несколько дней до того времени, которое описываю, майору (Денисевичу), служившему в штабе одной из дивизий ...ого корпуса, которым командовал граф. <Денисевич> был малорос, учился, как говорят, на медные деньги и образован по весу и цене металла. Наружность его соответствовала внутренним качествам: он был очень пленив и до крайности румян; последним достоинством он очень занимался и через него считал себя неотразимым победителем женских сердец. Игрою густых своих ополет он особенно щеголял, полагая, что от блеска их, как от лучей солнечных, разливается свет на все, его окружающее, и едва ли не на весь город. Мы прозвали его дяглом, на которого он и наружно и по привычкам был похож, потому что без всякой надобности долбил своим подчиненным десять раз одно и то же. Крут своей литературы ограничил он «Белую Лизой» и «Островом Борн-ольмом», из которого особенно любил читать вступ: «Законы осуждают предмет моей любви», да несколькими песнями из «Русалки». К театру был пристрастен, и более всего любил воздушные пируеты в балетах; но не имел много случаев быть в сценических театрах, потому что жизнь свою провел большей частью в провинциях. Любил он также покушать. Рассказывают, что во время отдыха на походах не иначе можно было разбудить его, как вложивши ему ложку в рот. Вы могли толкать, тормошить его, сколько сил есть - ничто не действовало, кроме ложки. Впрочем, был *добрый малый*. Мое товарищество с ним ограничивалось служебными обязанностями и невольным сближением по квартире.

В одно *прекрасное* (помнится, зимнее) утро, - было ровно три четверти восьмого, - только что успев окончить свой военный туалет, я вошел в соседнюю комнату, где обитал мой майор, чтоб приказать подавать чай.

<Денисевича> не было в это время дома; он уходил смотреть, все ли исправно на графской конюшне. Только что я ступил в комнату, из передней вошла в нес три незнакомых лица. Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с *арабским профилем*, во фраке. За ним выступали два молодца-красавца, кавалерийские гвардейские офицеры, погромыхивая своими шпорами и саблями. Один был адъютант; помнится, я видел его прежде в обществе любителей просвещения и благотворения; другой – фронтовой офицер. Статский подошел ко мне и сказал мне тихим, вкрадчивым голосом: «Позвольте вас спросить, здесь живет <Денисевич>?» - «Здесь, - отвечал я, - но он вышел куда-то, и я ведь сейчас позвать его». Я только хотел это исполнить, как вошел сам <Денисевич>. При виде на воинственных ассистентов статского посетителя, он, видимо, смутился, но вскоре оправился и принял также маршиальную осанку. «Что вам угодно?» - сказал он статскому довольно сухо. «Вы это должны хорошо знать, - отвечал статский, вы назначили мне быть к вам в восемь часов (тут он вынул часы); до восьми остается еще четверть часа. Мы имеем время выбрать оружие и назначить место ...». Все это было сказано тихим, спокойным голосом, как будто дело шло о назначении приятельской пирушки. <Денисевич> мой покраснел как рак и, запутываясь в словах, отвечал: «Я не затем звал вас к себе ... я хотел вам сказать, что молодому человеку, как вы, нехорошо кричать в театре, мешать своим соседям слушать пьесу, что это неприлично ...». «- <Вы эти наставления читали мне вчера при многих слушателях, - сказал более энергичным голосом статский, - я уж не школьник, и пришел переговорить с вами иначе. Для этого не нужно много слов: вот мой два секунданта; этот господин военный (тут он указал на меня), он не откажется, конечно, быть вашим свидетелем. Если вам угодно ...». «<Денисевич> не дайте смел договорить. «Я не могу с вами драться, - сказал он, - вы молодой человек, неизвестный, а я штаб-офицер ...». При этом оба офицера засмеялись; я побледнел и затрясся от негодования, видя глупое и униженное положение, в которое поставил себя мой товарищ, хотя вся эта сцена была для меня загадкой. Статский продолжал твердым голосом: «Я русский дворянин, Пушкин: это засвидетельствуют мои спутники, и потому вам не *стыдно* иметь будет со мною дело».

При имени Пушкина блеснула в голове моей мысль, что передо мною стоит молодой поэт, таланту которого уж сам Жуковский поклонялся, корифей всей образованной молодежи Петербурга, и я спешил спросить его: «Не Александра ли Сергеевича имею честь видеть перед собою?»

- Меня так зовут, сказал он, улыбаясь.

«Пушкину, - подумал я, - Пушкину, автору «Руслана и Людмилы», автору столько прекрасных мелких стихотворений, которые мы так восторженно затвердили, будущей надежде России, погибнуть от руки какого-нибудь <Денисевича>; или убить какого-нибудь <Денисевича> и жестоко пострадать ... нет, этому не быть! Во что б ни стало, устрою мировую, хотя б и пришлось темного покривить душой».

- В таком случае, - сказал я по-французски, чтобы не понял нашего разговора <Денисевич>, который не знал этого языка, - позвольте мне принять живое участие в вашем деле с этим господином и потому прошу вас объяснить мне причину вашей ссоры.

Тут один из ассистентов рассказал мне, что Пушкин накануне был в театре, где, на беду, судьба посадила его рядом с <Денисевичем>. Играли пустую пьесу, играли, может быть, и дурно. Пушкин зевал, шикал, говорил громко: «Несносно!» Соседу его пьеса, по-видимому, очень нравилась. Сначала он молчал, потом, выведенный из терпения, сказал Пушкину, что он мешает ему слушать пьесу. Пушкин искоса взглянул на него и принялся шуметь по-

прежнему. Тут <Денисевич> объявил своему неугомонному соседу, что попросит полицию вывезти его из театра.

- Посмотрим, - отвечал хладнокровно Пушкин и продолжал повесничать.

Спектакль кончился, зрители начали расходиться. Тем и должна была бы кончиться ссора наших противников. Но мой вигязь не терял из виду своего незначительного соседа и остановил его в коридоре.

- Молодой человек, - сказал он, обращаясь к Пушкину, и вместе с этим поднял свой указательный палец, -- вы мешали мне слушать пиесу ... это неприлично, это невежливо.

- Да, я не старик, - отвечал Пушкин, - но, господин штаб-офицер, еще невежливее здесь и с таким жестом говорить мне это. Где вы живете?

<Денисевич> сказал свой адрес и назначил приехать к нему в восемь часов утра. Не был ли это настоящий вызов?

- Буду, - отвечал Пушкин. Офицеры разных полков, услышав эти переговоры, обступили было противников; сделался шум в коридоре, но, по слову Пушкина, все затихло и спорившие разошлись без дальнейших приключений.

Вы видите, что ассистент Пушкина не скрыл и его вины, объяснив мне вину его противника. Вот этот-то узел предстояло мне развязать, сберегая между тем голову и честь Пушкина.

- Позвольте переговорить с этим господином в другой комнате, - сказал я военным посетителям. Они кивнули мне в знак согласия. Когда я остался вдвоем с <Денисевичем>, я спросил его, так ли было дело в театре, как рассказывал мне один из офицеров. Он отвечал, что дело было так. Тогда я начал доказывать ему всю необдуманность его поступков; представил ему, что он сам был кругом виноват, затеяв вновь ссору с молодым, неизвестным ему человеком, при выходе из театра, когда эта ссора кончилась ничем; говорил ему, как дерзка была его угроза пальцем и глупы его наставления, и что, сделав формальный вызов, чего он, конечно, не понял, надо было или драться, или извиниться. Я прибавил, что Пушкин сын знатного человека (что он известный поэт, этому господину было бы ничто). Все убеждения мои сопровождал я описанием ужасных последствий этой истории, если она разом не будет порешена. «В противном случае, - сказал я, - иду сейчас к генералу нашему, когда .. ты знаешь его: он шутить не любит». Признаюсь, я потратил ораторского пороку довольно и недаром. <Денисевич> убедился, что он виноват, и согласился просить извинения. Тут не дав опомниться майору, я ввел его в комнату, где дожидались нас Пушкин и его ассистенты, и сказал ему: «Господин <Денисевич> считает себя виноватым перед вами, Александр Сергеевич, и в опрометчивом движении, и в необдуманных словах при выходе из театра; он не имел намерения ими оскорбить вас».

- Надеюсь, это подтвердит сам господин <Денисевич>, - сказал Пушкин. <Денисевич> извинился ... и протянул было Пушкину руку, но тот не подал ему своей, сказав только: «Извиняю», и удалился со своими спутниками, которые очень любезно простились со мною» [Лажечников И.И. Знакомство мое с Пушкиным // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I. С.169-173].

Столкновение с Н.И. Тургеневым (сентябрь 1817 ... 19 марта 1820). Петербург

Николай Иванович Тургенев - один из руководителей Союза Благоденствия и видный член Северного общества, заочно приговоренный к смертной казни - один из политических учите-

лей Пушкина; в его квартире поэт сочинил оду «Вольность». Вместе с тем известен случай ссоры с Тургеневым, когда последний «ругает и усовещивает Пушкина за его тогдашние эпиграммы и пр. против правительства». Поэт сгоряча вызывает Н. Тургенева, но затем берет вызов обратно и извиняется в горячности.

Дуэль с неизвестным (январь ... май 1820). Петербург

В январе 1819 года по Петербургу распространились слухи о том, что Пушкин был тайно высечен за антиправительственные стихи в тайной канцелярии Министерства внутренних дел. Слух из Москвы в письме к А.А. Шаховскому распустил Ф.И. Толстой. Не зная автора сплетни, Пушкин дерется на дуэли (оставшейся неизвестным правительству) с лицом, которое повторило ее в Петербурге (К.Ф. Рылеевым?).

«Носились слухи, что его высекли в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге он имел за это дуэль» [Дугинин Ф.Н. Из дневника. Запись от 15 мая 1822 // Пушкин в воспоминаниях современников. - Т.1. - С.234].

« < ... > моя гипотеза сводится к следующему: что около 1-го мая 1820 года Рылеев в своем антиправительственном рвении повторил сплетню как истинный факт < ... >; что Пушкин вызвал его на дуэль, что Дельвиг и Павел Яковлев были пушкинскими секундантами; что дуэль состоялась между 6-м и 9-м мая поблизости от Санкт-Петербурга, возможно, в Батове, имении матери Рылеева. После этого Пушкин немедленно отправился на юг < ... >, прибыв в Екатеринослав 20 или 21 мая < ... >» [В.В. Набоков. Комментарии к «Евгению Онегину» // Литература в школе. 1990. - №3. С.17-20]

Столкновение с Ф.Ф. Орловым и А.П. Алексеевым (25 (?) октября ... 31 октября 1820). Кишинев

Наиболее насыщенным этапом пушкинской дуэльной биографии является кишиневский период. Его открывает ссора с Федором Федоровичем Орловым, участником Отечественной войны, потерявшим под Бауценом ногу, братом декабриста генерала М.Ф. Орлова, и Алексеем Петровичем Алексеевым, также участником Отечественной войны, отставным полковником, областным почтмейстером в Кишиневе. Сведения об этом столкновении сохранились только в воспоминаниях И. Липранди.

«Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до неуступления; но в минуту опасности, словом, когда он становится лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью. при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным как лед. На моем веку, в бурное время до 1820 года, мне случалось не только что видеть множество таких встреч, но не раз и самому находиться в

таком же положении, а подобной природы, как у Пушкина в таких случаях, я встречал очень немногo. Эти две крайности, в той степени, как они соединились у Александра Сергеевича, должны быть чрезвычайно редки. К сему должно еще присоединить, что первый взрыв его горячности не был недослупным до его рассудка. Вот чему я был близким свидетелем.

В конце октября 1820 года брат генерала М.Ф. Орлова, л.-гв. уланского полка полковник Федор Федорович, потерявший ногу, кажется, под Бауценом или Герлицем, приехал на несколько дней в Кишинев. Удаливость его было известно. Однажды, после обеда, он подошел ко мне и к полковнику А.П. Алексееву и находил, что будет гораздо приятнее куда-нибудь отправиться, нежели слушать разговор «брatца с Охотинковым о политической экономии!». Мы охотно приняли его предложение, и он заметил, что надо бы подобрать еще кого-нибудь; ушел в гостиную к Михайле Федоровичу и вышел оттуда под руку с Пушкиным. Мы отправились без определенной цели, куда идти: предложение Алексеева идти к нему было единогласно отвергнуто, и мы решили идти в бильярдную Гольды. Здесь не было ни души. Спрошен был портер. Орлов и Алексеев продолжали играть на бильярде на интерес, и в придачу на третью партию вазу жженки. Ваза скоро была подана. Оба гусара порешили пить круговой; я воспротивился, более для Пушкина, ибо я был привычен и находил даже это лучше, нежели не очередно. (Кто знал уловку круговой, то она выносятся легче при одинаковой силе, но Пушкин не слушал меня). Алексеев предложил на голоса; я успел сказать Пушкину, чтобы он не соглашался, но он пристал к первым двум, и потому приступили к круговой. Первая ваза кое-как сошла с рук, но вторая сильно подействовала, в особенности на Пушкина; я оказался крепче других. Пушкин развеселился, начал подходить к бортам бильярда и мешать игре. Орлов назвал его школьником, а Алексеев присовокупил, что школьников проучивают ... Пушкин рванулся от меня и, перепугав шары, не остался в долгу и на слова; кончилось тем, что он вызвал обоих, а меня пригласил в секунданты. В десять часов утра должны были собраться у меня. Было близко полночи. Я пригласил Пушкина ночевать к себе. Дорогой он уже опомнился и начал бранить себя за свою арабскую кровь, и когда я ему представил, что главное в этом деле то, что причина не совсем хорошая и это надо как-нибудь замаять; «Ни за что!», -- произнес он, остановившись. - Я докажу им, что я не школьник!» - «Оно все так, -- отвечал я ему, -- но все-таки будут знать, что всему виной жженка, а пригом я нахожу, что и бой не ровный». - «Как не ровный?» - опять остановившись, спросил он меня. Чтобы скорее разрешить его недоумение и затронуть его самолюбие, я присовокупил: «Не ровный потому, что может быть из тысячи полковников двумя меньше, да еще и каких никто не знает, а вы двадцати двух лег уже известны», -- и т.п. Он молчал. Подходя уже к дому, он произнес: «Скверно, гадко: да как же кончить?» - «Очень легко, -- сказал я, -- вы первый начали смешивать их игру; они вам что-то сказали, а вы им вдвое, и наконец, не они, а вы их вызвали. Следовательно, если они придут не с тем, чтобы становиться к барьеру, а с предложением помириться, то ведь честь ваша не пострадает». Он долго молчал и наконец сказал по-французски: «Это басни: они никогда не согласятся; Алексеев, может быть, -- он семейный, но Теодор никогда: он обрек себя на натуральную смерть, то все-таки лучше умереть от пули Пушкина или убить его, нежели играть жизнью с кем-нибудь другим». Я не отчаивался в успехе. Закусив, я уложил Пушкина, а сам, не спавши, дождался утра и в осьмом часу поехал к Орлову. Мне сказали, что он только что выехал. Это меня несколько озадачило. Я опасался, чтобы он не попал ко мне без меня: я поспешил к Алексееву. Проезжая мимо своей квартиры, увидел я, что у дверей нет экипажа, который, с радостью, увидел у подъезда Алексеева, а еще более, и так же

неожиданно, обрадовался, когда едва я появился в двери, как они оба в один голос объявили, что сейчас собирались ко мне посоветоваться, как бы окончить глупую вчерашнюю историю. «Очень легко, -- отвечал я им, -- приезжайте в 10 часов, как условились ко мне; Пушкин будет, и вы прямо скажете, чтобы он, так как и вы, позабыл вчерашнюю жженку». Они охотно согласились. Но Орлов не доверял, что Пушкин согласится. Возвратясь к себе, я нашел Пушкина вставшим и с свежей головой, обдумавшим вчерашнее столкновение. На сообщенный ему результат моего свидания он взял меня за руку и просил, чтобы я ему сказал откровенно: не пострадает ли его честь, если он согласится оставить дело? Я повторил ему сказанное накануне, что не они, а он их вызвал, и они просят мира: «Так чего же больше хотеть?» Он согласился, но мне все казалось, что он не доверял, в особенности Орлову, чтобы этот отложил такой прекрасный случай подраться; но когда я ему пердал, что Федор Федорович не хотел бы делом этим сделать неприятное брату, -- Пушкин, казалось, успокоился. Видно, он страдал только потому, что столкновение случилось за бильярдом, при жженке: «А не то славно бы подрался; ей-богу, славно!» Через полчаса приехали Орлов и Алексеев. Все было сделано, как сказано; все трое были очень довольны... За обедом в этот день у Алексеева Пушкин был очень весел и, возвращаясь, благодарил меня, объявив, что если когда представится такой же случай, то чтобы я не отказал ему в советах - и пр.» [Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников. Т.1. С. 316-319].

Столкновение с Инглези.

(Лето (?) 1821 (?). Кишинев

Событие малодостоверно. Отношения Пушкина с цыганкой Людмилой-Шекорой Инглези якобы получили отражение в поэме «Цыганы».

В Кишиневе поэт был влюблен в жену кишиневского богача Инглези. После одного из свиданий разгневанный муж «запер Людмилу на замок и вызвал Пушкина на дуэль, которую Пушкин принял ... Дуэль была назначена на следующий день утром, но о ней кто-то донес генералу Инзову. Пушкина Инзов арестовал на десять дней на гауптвахте, а Инглези вручил билет, в котором значилось, что ему разрешается выезд за границу вместе с женою на один год. Инглези понял намек и на другой день выехал с Людмилою из Кишинева. Таким образом дуэль не состоялась. Пушкин долго госковал по Людмиле» [А. Трегубов со слов кишиневского старожилы Градова // Вересаев В.В. Т.2. С.161].

Столкновение с Дегильи

(6 июня 1821). Кишинев

Дегильи (Deguilly) -- бывший офицер французской службы, проживавший в Кишиневе. Причины столкновения нам неизвестны, но сохранились два рисунка поэта, изображающие француза. По словам Я. Гордина, пушкинское письмо к Дегильи «можно считать манифестом, энциклопедией его дуэльных представлений тех лет»

А. Пушкин - Дегильи. 6 июня 1821. Кишинев.

К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера.
Недостаточно быть трусом, нужно еще быть им в открытую.

Накануне паршивой дуэли на саблях не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещания; не сочиняют нелепейших сказок для городских властей, чтобы избежать царапины; не компрометируют дважды своего секунданга (ни генерала, который удостоивает принимать негодяя у себя в доме).

Все то, что случилось, я предвидел заранее, и не жалею, что не побился об заклад.

Теперь все кончено, но берегитесь.

Примите уверения в чувствах, какие вы заслуживаете.

6 июня 1821

Пушкин.

Заметьте еще, что впредь, в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз вы ничего не смыслите в правах дуэли.

Поединок с С.Н. Старовым (5-6 января 1822). Кишинев

Это, пожалуй, самая знаменитая дуэль Пушкина. По воспоминаниям И.П. Липранди, командир 33 Егерского полка, участник кампании 1812 года и заграничных походов Семен Никитич Старов, считал ее одной из самых больших глупостей в жизни.

« < ... > Пушкин действительно имел столкновение < ... > с командиром одного из егерских полков наших, замечательным во всех отношениях полковником С.Н. Старовым. Причина этого столкновения была следующая: в то время < ... > так называемое *Казино* заменяло в Кишиневе обычное впоследствии *собрание*, куда все общество съезжалось для публичных балов. В кишиневском *Казино* на то время еще не было принято никаких определенных правил; каждый, принадлежавший к так называемому благородному обществу, за известную плату мог быть посетителем *Казино*; порядком танцев мог каждый из танцующих располагать по произволу; но за обычными посетителями, как и всегда, оставалось некоторое первенство, конечно, ни на чем не основанное < ... > Так случилось и с Пушкиным. На одном из подобных вечеров в *Казино* Пушкин условился с Полторацким и другими приятелями начать мазурку; как вдруг никому не знакомый молодой егерский офицер полковника Старова полка, не предварив никого из постоянных посетителей *Казино*, скомандовал играть кадрили, эту так называемую русскую кадрили, уже уступавшую в то время право гражданства мазурке и вновь вводимому *контр-лансу*, или *французской кадрили*. На эту команду офицера Пушкин по условию перекомандовал: «Мазурку!» Офицер повторил: «Играй кадрили!» Пушкин, смеясь, снова повторил: «Мазурку!» -- и музыканты, не смотря на то что сами были военные, а Пушкин француз, приняли команду Пушкина, потому что он и по их понятиям был не то что другие французы, или потому, что знали его лично, как частого посетителя: как бы то ни было, а мазурка началась. В этой мазурке офицер не принял участия. Полковник Старов, несмотря на разность лет сравнительно с Пушкиным, конечно, был не менее его пылок и выскателен, по понятиям того времени, во всем, что касалось хотя бы мнимого уклонения от уважения к личности, а поэтому и не удивительно, что Старов, заметив неудачу своего офицера, вспыхнул негодованием против Пушкина и, подойдя к себе офицера, заметил ему, что он должен требовать от Пушкина объяснений в его поступке. «Пушкин должен, -- прибавил Старов, -- по

крайности, извиниться перед вами; кончится мазурка, и вы непременно переговорите с ним». Неопытного и застенчивого офицера смутили слова пылкого полковника, и он, краснея и заикаясь, робко отвечал полковнику: «Да как же с, полковник, я пойду говорить с ним, я их совсем не знаю!» -- «Не знаете, -- сухо заметил Старов, -- ну, так и не ходите; я за вас пойду», -- прибавил он и с этим словом подошел к Пушкину, только что кончившему свою фигуру. «Вы сделали невежливость моему офицеру, -- сказал Старов, взглянув репешительно на Пушкина, -- так не угодно ли вам извиниться перед ним, или вы будете иметь лично дело со мною». «В чем извиняться, полковник, -- отвечал быстро Пушкин, -- я не знаю; что же касается до вас, то я к вашим услугам». -- «Так до завтра, Александр Сергеевич». «Очень хорошо, полковник». Пожав друг другу руку, они расстались. Мазурка продолжалась, одна фигура сменяла другую, и на первую минуту никто даже не воображал о предстоящей опасности двум достойным членам нашего общества. Все разъехались довольно поздно. Пушкин и полковник уехали из последних. На другой день утром, в девять часов, дуэль была назначена; положено стрелять в двух верстах от Кишинева; Пушкин взял к себе в секунданты Н.С. Алексеева. По дороге они заехали к полковнику Липранди, к которому Пушкин имел исключительное доверие, особенно в делах этого рода, как к человеку опытному и, так сказать, весьма бывалому. Липранди встретил Пушкина поздравлением, что он будет иметь дело с благородным человеком, который за свою честь умеет постоять и не способен играть честно другого. Подобные замечания о Старове и мы не раз слышали, и не от одного Липранди, а от многих, и между прочими можем назвать: Михаила Федоровича Орлова, Павла Сергеевича Пупина, этих участников в битвах 12-го года и под стенами Парижа, где и С.Н. Старов тоже участвовал, и со славою, еще будучи молодым офицером. Мы не имели чести видеть Старова в огне, потому что сами в то время не служили и не могли служить; но зато впоследствии, смеем уверить каждого, мы не разу не слышали, чтоб кто-нибудь упрекнул Старова в трусости или в чем-либо неблагородном. Имя Семена Никитича Старова всеми его сослуживцами и знакомыми произносилось с уважением. Расставаясь с Пушкиным, Липранди выразил опасение, что очень может статься, что на этот день дуэль не будет кончена. «Это отчего же?» - быстро спросил Пушкин. «Да оттого, - отвечал Липранди, - что метель будет». Действительно, так и случилось: когда съехались на место дуэли, метель с сильным ветром мешала прицелу: противники сделали по выстрелу и оба дали промах; секунданты советовали было отложить дуэль до другого дня, но противники с равным хладнокровием потребовали повторения; дачь бы что нечего, пистолеты зарядили снова - еще по выстрелу, и снова промах; тогда секунданты решительно настояли, чтоб дуэль, если не хотят так кончить, была отложена непременно, и уверяли, что нет уже более зарядов. «Итак, до другого разу», - повторили оба в один голос. «До свидания, Александр Сергеевич!» - «До свидания, полковник!»

На возвращном пути из-за города Пушкин заехал к Алексею Павловичу Полторацкому и, не застав его дома, оставил ему записку следующего содержания:

Я жив,
Старов
здоров,
Дуэль не кончен.

В тот же день мы с Полторацким знали все подробности этой дуэли и не могли не пожалеть о неприятном столкновении людей, любимых и уважаемых нами, которые ни по чему не могли иметь взаимной ненависти. Да и сама причина размовки не была довольно значительна для дуэли. Полторацкому

вместе с Алексеевым пришла мысль помирить врагов, которые по преимуществу должны быть друзьями. И вот через день эта добрая мысль осуществилась. Примирители распорядились этим делом с любовью. По их соображениям, им не следовало уговаривать того или другого явиться для примирения первым; уступчивость этого рода, по свойственному соперникам самолюбию могла бы помешать делу; чтоб отклонить подобное неудобство, они избрали для переговоров общественный дом ресторатора Николетти, куда мы нередко собирались обедать и где Пушкин любил играть на бильярде. Без дальнего вступления со стороны примирителей и недавних врагов примирение совершилось быстро. «Я вас всегда уважал, полковник, и потому принял ваше предложение», - сказал Пушкин. «И хорошо сделали, Александр Сергеевич, - отвечал Старов, - этим вы еще более увеличили мое уважение к вам, и я должен сказать по правде, что вы как же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете». Эти слова искреннего приветия тронули Пушкина, и он кинулся обнимать Старова. Итак, в сущности, все дело обделалось, как и можно было ожидать от людей истинно благородных и умеющих уважать друг друга. Но так называемая публика, всегда готовая к превратным толкам, распустила с чего-то иные слухи: одни утверждали, что Старов просил извинения; другие тоже самое взваливали на Пушкина, а были и такие храбрецы на словах, постоянно готовые чужими руками жар загребать, которые втихомолку твердили, что так дуэли не должны кончаться. Но из рассказа нашего ясно, кажется, видна вся несправедливость подобных толков.

Дня через два после примирения Пушкин как-то зашел к Николетти и, по обыкновению, с кем-то принялся играть на бильярде. В той комнате находилось несколько человек туземной молодежи, которые, собравшись в кружок, о чем-то толковали вполне олоза, но так, что слова их не могли не доходить до Пушкина. Речь шла об его дуэли с Старовым. Они превозносили Пушкина и порицали Старова. Пушкин вспыхнул, бросил кий и прямо и быстро подошел к молодежи. «Господа, - сказал он, - как мы кончили с Старовым - это наше дело, но я вам объявляю, что если вы позволите себе охуждать Старова, которого я не могу не уважать, то я приму это за личную обиду, и каждый из вас будет отвечать мне, как следует!» Знаменательность слов Пушкина и твердость, с которою были произнесены слова его, смутили молодежь, еще так недавно получившую в Вене одно легкое наружное образование и притом несколько не знакомую с дымом пороха и гязестью свинца. И вот молодежь начала извиняться, обещая вполне исполнить его желание. Пушкин вышел от Николетти победителем» [Горчаков В.П. Воспоминание о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Т.1. С.267-271].

«В семь часов утра я был разбужен Пушкиным, приехавшим с Н.С. Алексеевым. Они рассказали случившееся. Мне досадно было на Старова, что он в свои лета поступил, как прапорщик, но дела отклонить было уже нельзя, и мне оставалось только сказать Пушкину, что «он будет иметь дело с храбрым и хладнокровным человеком, непохожим на того, каким он, по их рассказам, был вчера». Я заметил, что отзыв мой о Старове польстил Пушкину. Напившись чаю, Алексеев просил меня ехать с ними; я долго не соглашался, на том основании, что если я поеду, то Пушкин будет иметь двух свидетелей, а Старов -- одного: в таком случае должно было бы предупредить его вчера; но потом я рассудил, что бой будет не равный, на том простом основании, что Пушкин был так молод, неопытен, и хоть в минуты опасности я думал, что он будет хладнокровным, но с его чрезвычайно пылкостью от самой ничтожной причины он очень легко мог выйти из подобной о положения. Секун-

данн его, правда, обладал невозмутимым хладнокровием, но в таких случаях был также неопытен, между тем как Старов был в полном смысле обстрелянный, и что меня более всего пугало, то это - необразованность его, как светского человека и не знающего значения некоторых слов, а одно такое, будучи произнесено без всякого умысла, было бы достаточно, чтобы произвести взрыв в Пушкине. За всем тем, однако же, я обещаю быть, но с условием, что заеду предупредить Старова, чтобы и он взял еще одного свидетеля; но если он не успеет, то, конечно, поверю мне и сам, в чем я не сомневался. Формальность при таких случаях неотменно должна быть выполнена, а так как остается еще полчаса времени, то я заеду с ответом к Алексееву, мимо которого должно будет ехать в Рышкановку. Мы выехали вместе; Старов, с полчаса передо мной, уехал к подполковнику Дерезинскому, но и у него я никого не застал и поспешил к Алексееву. Они, обдумав, признали, что без согласия Старова мне быть на месте неловко, а потому согласились на предложение мое наладиться на всякий случай вблизи, и мы отправились, ибо время уже подошло. На вопрос Алексеева об условиях я просил его только одного, чтобы барьер был не менее двенадцати шагов и отнюдь не соглашаться подходить ближе. Старов был вовсе не мастер стрелять, Пушкин, хотя иногда и упражнялся, но, лучше сказать, шарил, а потому оба, конечно, поспешат сойтись, и тогда последствия будут ужасны. Пушкин горел нетерпением; я ему что-то заметил, но он мне отвечал, что неотменно хочет быть на месте первый. Я остановился в одной из ближайших к месту мазанок. Погода была ужасная; метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета, и к тому довольно морозно < . . > Первый барьер был на шестнадцать шагов; Пушкин стрелял первый и дал промах, Старов тоже и просил поспешить зарядить и сдвинуть барьер; Пушкин сказал: «И гораздо лучше, а то холодно». Предложение секунданта прекратить было обоими отвергнуто. Мороз с ветром, как мне говорил Алексей, затруднял движения пальцев при зарядении. Барьер был определен на двенадцать шагов, и опять два промаха. Оба противника хотели продолжать, сблизив барьер; но секунданты решительно воспротивились, и так как нельзя было помирить их, то поединок отложен до прекращения метели. Дрожки наши, в продолжение разговора, догребли до город, ехали рядом и шагом, ибо иначе было нельзя. Я отправился прямо к Старову. Застав его за завтраком, рассказал ему, где я был. Он упрекнул меня за недоверие к нему и пригласил быть свидетелем, как только погода стихнет. Когда полковник адъютант вышел и мы остались вдвоем, я спросил его, как это пришло ему в голову сделать такое дурачество в его летах и в его положении? Он отвечал, что и сам не знает, как все это сошлось; что он не имел никакого намерения, когда подошел к Пушкину. «Да он, братец, такой задорный», - присовокупил он. «Но согласишься, с какой стати было тебе, самому не гапшующему, вмешиваться в спор двух юношей, из коих одному хотелось мазурки, другому вальса?» На это он мне сказал, что всему виноват его офицерик, отказавшийся объясниться с Пушкиным. На замечание мое, что если офицер его был виноват, он имел свою вчасть выскать с него и даже выпнуть из полка, а прилично ли ему взять на себя роль прапорщика и привязаться к молодому человеку, здесь по воле Государа находящемуся и уже всем известному своим дарованиям? «Ну ты бы убил его, ведь все бы были твоими врагами, в особенности когда бы узнали повод к дуэли», и пр. Это несколько подействовало на него, и он начал было соглашаться, что ему не следовало вмешиваться, и заключил тем, что теперь уже делать нечего, надо кончить, и просил меня, если я увижу Алексеева, сказать ему, что не худо поспешить. «Покончить можно и в клубной зале», - прибавил он.

Я ничего не говорил Пушкицу, опасаясь, что он схватится за мысль стреляться в клубном доме, но буквально передал Алексееву весь разговор, и он обещал повидаться в тот же день с Старовым. Вечером Пушкин был у меня, как ни в чем не бывало, так же весел, такой же спорщик со всеми, как и прежде. В следующий день, рано, я должен был уехать в Тирасполь, и на другой день вечером, во время, устал от мучительного окончания дела, и мне казалось тогда видеть будто бы какое-то тайное сожаление Пушкина, что ему не удалось подражаться с полковником, известным своею храбростью» [Дипранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 319-322].

«Я слышал, что Пушкин был в четырех поединках, из коих три первые кончились эпитафией, а четвертый смертью его. Все четыре раза он стрелялся через барьер, давая противнику своему, где можно было, первый выстрел, а потом сам подходил вплотью к барьеру и подзывал противника.

Мною в подробности один только поединок его, в Кишиневе, слышанный мною от людей, бывших в то время на месте.

В Кишиневе стоял пехотный полк, и Пушкин был со многими офицерами в клубе, собрании, где танцевали. Большая часть гостей состояла из жителей, молдаван и молдаванок; надобно заметить, что обычаи, в то время особенно, ввел очень вольное обращение с последними. Пушкин пригласил даму на мазурку, захопал в ладоши и закричал музыке: «мазурку, мазурку!» Один из офицеров подходит и просит его остановиться, уверяя, что будут плясать вальс. «Ну, - отвечал Пушкин, - вы вальс, а я мазурку», - и сам пустился со своею дамою по зале.

Полковник или батальонный командир, кажется, подполковник Старков, по своим понятиям о чести, считал необходимым стреляться с обидчиком, а как противник Пушкина по танцам не репался на это сам, то начальник его принял дело это на себя.

Стрелялись в камышах придунайских, на прогалине, через барьер, шагов на восемь, если не на шесть. Старков выстрелил первый и дал промах. Тогда Пушкин подошел вплотью к барьеру и, сказав: «пожалуйте, пожалуйста сюда», подзывал противника, не смеяшего от этого отказаться; затем Пушкин, оставив пистолет свой почти в упор в лоб его, спросил: «довольны ли вы?» - тот отвечал, что доволен, Пушкин выстрелил в поле, снял шляпу и сказал:

Подполковник Старков,
Става богу, здоров.

Поединок был кончен, а два стиха эти долго ходили вроде поговорки по всему Кишиневу, и молдаване, не знавшие по-русски, гершались, затверживая ее ломаным языком назвусть» [Даль В. И. Записки о Пушкине // Бартев П. И. С. 421-422].

Столкновение с И. П. Лановым (20 ... 25 января 1822). Кишинев

Иван Николаевич Ланов - член попечительного комитета о колонистах, статский советник. В конце января 1822 года у него было столкновение с Пушкиным, едва не окончившееся дуэлью. Ланову адресована эпитаграмма Пушкина «Бранись, ворчи, болван болванов».

Ланова «пригласили на какой-то обед, где находился и Пушкин; за обедом чиновник заглашал своим говором всех, и все его слушали, хотя почти слушать было нечего, и наконец договорился до того, что начал доказывать необходимость употребления вина как лучшего средства от многих болезней.

- Особенно от горячки, - заметил Пушкин.

- Да таки и от горячки, - возразил чиновник с важностью, - вот-с извольте-ка слушать: у меня был приятель, некто Иван Карлович, отличный, можно сказать, человек, лет десять секретарем служил; как вот, он-с просто нашим винцом от чумы себя вылечил: как хватил две осьмухи, так как рукой сняло. - При этом чиновник зорко взглянул на Пушкина, как бы спрашивая: ну, что вы на это скажете?

У Пушкина глаза сверкнули: удерживая смех и краснея, он отвечал:

- Быть может, но только позвольте усомниться.

- Да чего тут позволить, - возразил грубо чиновник, - что я говорю, так-так; а вот вам, почтеннейший, не след бы спорить со мною, оно как-то не приходится.

- Да почему же? - спросил Пушкин с достоинством.

- Да погому же, что между нами есть разница.

- Что ж это доказывает?

- Да то, сударь, что вы еще молокосос.

- А, понимаю, - смеясь, заметил Пушкин, - точно, есть разница: я *молокосос*, как вы говорите, а вы *виносос*, как я говорю.

При этом все расхохотались, противник не обиделся, а ошалел». (Горчаков В.П. Выдержки из дневника об А.С. Пушкине. С.247-248).

Столкновение с Т. Балшем (6-8 марта 1822). Кишинев

Тодораки Балш, его жена Мария и их дочь Аника - бояре из Ясс, беженцы гетерии, кишиневские знакомые Пушкина. В Марию Балш, по свидетельству П.И. Долгорукова, Пушкин был влюблен и вел с ней «свободные речи». 6-8 марта произошла ссора Пушкина с Тодораки Балшем.

Эта ссора, создавшая большой переполох в мирном Кишиневе, произошла в доме Матвея Егоровича Крупенского, бессарабского вице-губернатора. Помирить Пушкина и Балша также пытался Павел Сергеевич Пущин – генерал-майор, бригадный командир 16-й пехотной дивизии, гроссмейстер кишиневской масонской ложи «Овидий» и член Союза Благоденствия.

«Между кишиневскими помещиками-молдаванами, с которыми вел знакомство Пушкин, был некто Балш. Жена его, еще довольно молодая женщина, везде вывозила с собою, несмотря на ранний возраст, девочку-дочь, лет тринадцати. Пушкин за нею ухаживал. Досадно ли это было матери или, может быть, она сама желала слышать любезности Пушкина, только она за что-то рассердилась и стала к нему придирается. Тогда в обществе много говорили о какой-то ссоре двух молдаван: им следовало драгья, но они не дрались. «Чего от них требовать! - заметил как-то Липранди, - у них в обычае нанять несколько человек, да их руками отдубасить противника». Пушкина очень забавлял такой легкий способ отпущения. Вскоре, у кого-то на вечере, в разговоре с женою Балша, он сказал: «Экая тоска! хоть бы кто нанял подрагья за се-

бя». Молдаванка вспыхнула. «Да вы деритесь лучше за себя», - возразила она. «Да с кем же?» - «Вот хоть с Старовым; вы с ним, кажется, не очень хорошо кончили». На это Пушкин отвечал, что если бы на ее месте был ее муж, то он сумел бы поговорить с ним; потому ничего не остается больше делать, как узнать, так ли и он думает. Прямо от нее Пушкин идет к карточному столу, за которым сидел Балш, вызывает его и объясняет, в чем дело. Балш пошел спросить жену, но та ему отвечает, что Пушкин наговорил ей дерзостей. «Как же вы требуете от меня удовлетворения, а сами позволяете себе оскорблять мою жену», - сказал возмущенный Балш. Слова эти были произнесены с таким высокомерием, что Пушкин не вытерпел, тут же схватил подсвечник и замачнул им на Балша < ... > Подоспевший Н.С. Алексеев удержал его. Разумеется, сумагоха вышла страшная, и противников кое-как развели. На другой день, по настоянию Крупянского и П.С. Пушкина (который командовал тогда пивницей за отъездом Орлова), Балш согласился извиниться перед Пушкиным, который парочно для того пришел к Крупянскому. Но каково же было Пушкину, когда к нему явился, в длинных одеждах своих, тяжелый молдаванин и вместо извинения начал: «Меня упростили извиниться перед вами. Какого извинения вам нужно?» Не говоря ни слова, Пушкин дал ему пощечину и вслед за тем вынул пистолет. Прямо от Крупянского Пушкин пошел на квартиру к Пушкину, где его видел В.П. Горчаков, бледный как полотно и улыбающийся Инзов посадил его под арест на две недели; чем дело кончилось, не знаем. Дураки не было, но еще долго после этого Пушкин говорил, что не решается ходить без оружия, на улицах вынимал пистолет и с хохотом показывал его встречным знакомым» [Бартенев П.И. Пушкин в южной России. С.194-195].

Столкновение с Рутковским (21 июля 1822). Кишинев

21 июля 1822 года за обедом у И.Н. Инзова произошла ссора Пушкина с отставным штабс-капитаном, комиссаром Леовской карантинной заставы Бессарабской области Рутковским. Это столкновение известно только по дневнику П.И. Долгорукова.

«История Пушкина с отставным офицером Рутковским. Офицер этот служил некогда под начальством Инзова и по прилапении его приехал сюда для определения к месту. Сегодня за столом зашел между прочим разговор о граде, и Рутковский утверждал, что он помнит град весом в 3 фунта. Пушкин, знаясь на офицера со вчерашнего дня, стал смеяться его рассказам, и сей, вышед из терпения, сказал только: «Если вам верят, почему же вы не хотите верить другим». Этого было довольно. Лишь только успели всгать из-за стола, и наместник вышел в гостиную, началось объяснение чести. Пушкин назвал офицера подлецом, офицер его мальчишкой, и оба ринулись кончить размо вку выстрелами. Офицер пошел с Пушкиным к нему, и что у них происходило, это им известно. Рутковский рассказал, что на него бросились с пожом, а Смирнов <Дмитрий Смирнов, чиновник канцелярии И.Н. Инзова, титулярный советник, переводчик с молдавского языка - авт.>, что он отвел удар Пушкина; но всего вернее то, что Рутковский хотел вырвать пистолеты и, вероятно, собирался с помощью прибежавшего Смирнова попотчевать молодого человека кулаками, а сей тогда уже принялся за пож. К счастью, ни пуля, ни же тело не действовало, и в ту же минуту дали знать наместнику, который велел Пушкина отвести домой и приставить к дверям его караул. (Пушкин заслужил

большее наказание, но и офицер не совсем прав, однако же ему, кажется, и выговора не сделали)» [Долгоруков П.И. 35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья. Запись от 21 июля 1822 // Пушкин в воспоминаниях современников. Т.1. С.361-362].

Поединок с Зубовым (Май (?) ... июнь (?) 1823). Кишинев.

С кем из братьев Зубовых, Александром Николаевичем или Кириллом Николаевичем, у Пушкина была дуэль - неизвестно. Летом 1823 года в чине прапорщиков они были откомандированы на топографическую съемку Бессарабской области, и в Кишиневе общались с Пушкиным. П.И. Бартнев относит эпизод к 1821 году, а М. Цявловский к маю-июню 1823 года (братья Зубовы в 1823 окончили Московское училище колонновожатых). Именно об этой дуэли тяжело раненый Пушкин вспоминал по дороге с Черной речки.

«Играли обыкновенно в шосс, в экарте, но всего чаще в банк. Однажды Пушкину случилось играть с одним из братьев Зубовых, офицером генерального штаба. Он заметил, что З. играет неверное, и, проиграв ему, по окончании игры, очень равнодушно и со смехом стал говорить другим участникам игры, что ведь нельзя же платить такого рода проигрыши. Слова эти, конечно, разнеслись, выпло объяснение, и З. вызвал Пушкина драться. Это был второй поединок в жизни поэта. Противники отправились на так называемую *малину*, виноградник за Кишиневом. Пушкина не легко было испугать: он был храбр от природы и старался воспитывать в себе это чувство. Недаром он записал для себя одну из наставлений кн. Потемкина Н.Н. Раевскому: «Старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем». Еще в Лицее учился он стрельбе в цель, и в стенах кишиневской комнаты своей насаживал пулю на пулю. - Подробности этого поединка, сколько известно, второго в жизни Пушкина, нам неизвестны, но некоторые обстоятельства его он сам передавал в повести *Выстрел*, вложив рассказ в уста Сильвио и приписав собственные действия молодому талантливому графу. <П. Бартнев цитирует сцену дуэли из повести - авт.>. И действительно, по свидетельству многих, и в том числе В.П. Горчакова, бывшего тогда в Кишиневе, на поединок с З. Пушкин явился с черешнями, и завтракал ими, пока тот стрелял. Но З. поступил не так, как герой пушкинской повести Сильвио. Он стрелял первый и не попал. «Довольны вы?» - спросил его Пушкин, которому пришел черед стрелять. Вместо того, чтобы требовать выстрела, З. бросился с объятиями. «Это лишнее», - заметил ему Пушкин и, не стреляя, удалился» [Бартнев П.И. Пушкин в южной России. С.189-190].

Столкновения с неизвестными. Кишинев.

«Из его многочисленных дуэлей нам особенно запомнились две, имевшие место одна вслед за другой. Первая - с французским эмигрантом, бароном де С..., который, имея право выбрать оружие, предложил ружье, ввиду уступающего превосходства, с которым его противник владел пистолетом. Благодаря веселью, которое этот новейшего рода поединок вызвал у секундантов и противников, примирение было достигнуто, ибо Пушкин любил посмеяться. На другой день, очевидно, чтобы вознаградить себя за неудачу, постигшую его

накануне, он затеял дело с другим французом, находившимся на русской службе, полковником Л... После того как противники безуспешно обменялись четырьмя пулями, секунданты прекратили поединок, вопреки желанию обоих бойцов, и особенно Пушкина, удивленного и пристыженной о своей неудаче и безутешного оттого, что он вторично упустил случай» [Из воспоминаний о Пушкине в Кишиневе / Пуб. Т.Г. Цявловской // Прометей. М., 1974. Т. 10. С.296].

Перед нами, вероятно, апокриф, записанный французским путешественником; в нем слиты неизвестная нам дуэль и поединок с С.Н. Старовым («полковник Л...»). Но не смотря на недостоверность описания, событие крайне показательно.

«Верстах в двух от Кишинева, на запад, есть урочище, посреди холмов, называемое Малиной, - голько не от русского слова малина: здесь городские виноградные и фруктовые сады. Это место как будто посвящено обычаю «полю». Подъехав к саду, лежащему в вершине долины, противники восходят на гору по извиляющейся между виноградными кустами тропинке. На дугу, под сенью яблонь и шелковиц, близ дубовой рошницы, стряпчие вымеряют поле, а между тем полсудимые сбрасывают с себя плащ и становятся на место. Здесь два раза «полевал» и Пушкин, но, к счастью, дело не доходило даже до первой крови, и после первых выстрелов его противники предлагали мир, а он принимал его. Я не был стряпчим, но был свидетелем издали одного «полю», и признаюсь, что Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дело, замыслил злую эпитафию на стрелца и на промах» [Вельтман А.Ф. Воспоминания о Бессарабии. С.280].

«Не помню, за что и как между <В.Т.>Кеком и <А.П.>Полгторацким кишиневскими знакомыми Пушкина - авт.> устроилась дуэль. К первому секундантом попал я, второй выбрал Пушкина. Ну, известное дело, на нашей временной обязанности лежало назначение условий поединка. Мы съехались с Пушкиным, и трактат начался. Но как понравиться вам оборот дела? Александр Сергеевич в разговоре со мною, решительно не могу вам сказать за какие, да и были ли они, «обидные выражения» вызвал на дуэль меня. «Ты шутишь, Пушкин?» Я не мог принять его слова не за шутку. «Нисколько! Драться с тобой я буду, - ну, мне этого хочется, только ты должен обождать. Я уже дерусь с двумя господами; разделавшись с ними - к твоим услугам, Карл Иванович!» [К.И. Прункул // Разговоры. С.31-32].

Происшествие, описанное К.И. Прункулом крайне неправдоподобно.

Дуэль с неизвестным. (1 - 15 апреля 1824). Одесса

Сохранилось несколько свидетельств о поединке Пушкина в Одессе, но имя противника и причина столкновения неизвестны.

«< ... > Подробности другого поединка - кажется, в Одессе - не помню; знаю только, что противник Пушкина не выдержал, что Пушкин отпустил его с миром, но сделал это тоже по-своему: он сунул неразряженный пистолет себе под мышку, отвернулся в сторону...» [Даль В.В. Записки о Пушкине. С.422].

Столкновение с Ф.А. Толстым (Американцем) (сентябрь 1826). Москва

Находясь на юге, Пушкин узнает, что автором позорящей его сплетни о том, что он был в Петербурге высечен за антиправительственные стихи, является Федор Иванович Толстой. Единственным способом очищения своей чести Пушкин считал поединок с Толстым. Я. Гордин считает, что все дуэли и дуэльные столкновения Пушкина в Кишинёве и Одессе были «репетицией» будущего поединка с Толстым. «Эта скорая и неизбежная... встреча заставляла его непрерывно испытывать себя - не только часами сажая в стену пулю за пулей и, укрепляя руку ношением железной трости, но и подставляя грудь под чужие выстрелы, выработывая ту особую психологическую сноровку, которая помогает дуэлянту вести себя у барьера максимально целесообразно, выработывая безотказный механизм поведения, свойственный профессионалам». Поэт ведет литературную войну -- клеймит противника в эпиграмме «В жизни мрачной и презренной...», в послании к Чаадаеву и т. д. Находясь в Михайловском, Пушкин ежедневно стрелял в цель, готовясь к дуэли. В сентябре 1826 года, сразу после возвращения в Москву, он посылает картель Толстому. Противников удалось помирить. 1 мая 1829 года Ф. Толстой от имени Пушкина просил руки Натальи Николаевны Гончаровой.

«Носились слухи, что его высекли в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге он имеет за это дуэль. Также в Москву этой зимой хочет он ехать, чтобы иметь дуэль с одним графом Толстым, Американцем, которого главный распускает эти слухи. Как у него нет никого приятелей в Москве, то я предложу быть его секундантом, если этой зимой буду в Москве, чему он очень обрадуется» [Дугинин Ф.И. Из дневника. Запись от 15 мая 1822 // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М. Т.1. С.234].

«Один из давних приятелей поэта <речь идет о С. Соболевском - авт.> тотчас же из дому кн. Куракина отправился в дом Василия Львовича и застал Пушкина за ужином. Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему на следующее утро съездить к известному американцу графу Толстому с вызовом на поединок. К счастью, дело уладилось: графа Толстого не стучилось в Москве, а впоследствии противников помирили» [Бартенев П.И. Заметка О Пушкине // Бартенев П.И. С.264]

«Существует несколько версий примирения Пушкина с Толстым. Первая, графа не было в Москве, и острота конфликта разрядилась < .. > Другая версия такая: Соболевский, передав вызов, застал графа в большом горе - умирала его дочь Прасковья, и он попросил гри для отерочки, на что Соболевский ответил согласием. Доложив об этом Пушкину, Соболевский ушел от него, что тот согласен и на двухнедельную отерочку. Растроганный Толстой ночью пришел к Пушкину и кинулся к нему в объятия. Так они помирились»

Столкновение с В.Д. Соломирским (апрель 1827). Москва

Весной 1827 года в московском доме князей Урусовых Пушкин сблизился с артиллерийским офицером, поэтом-дилетантом Владимиром Дмитриевичем Соломирским и подарил ему томик Байрона с дружеской надписью; здесь же у него произошла ссора с Соломирским, вероятно, вызванная ревностью последнего в связи с предпочтением, которое оказывала Пушкину княжна Софья Александровна Урусова (по преданию, ей Пушкин посвятил мадригал «Не веровал я Троице доньне...»). Противников удалось примирить при посредничестве секундантов – штабс-капитана лейб-гвардии Драгунского полка Павла Александровича Муханова и поручика лейб-гвардии конной артиллерии Алексея Васильевича Шереметева.

А. Пушкин В.Д. Соломирскому. 15 апреля 1827. Москва. (фр.)
Немедленно, если вы это желаете, приезжайте вместе с секундантом.
15 апр. А.П.

В московском доме князей Урусовых «особенно часто появлялся весной 1827 г. Пушкин. Он, проводя почти каждый вечер у князя Урусова, бывал весьма весел, остер и словоохотлив < ... > Во время этих посещений Пушкин, еще по петербургской своей жизни бывший коротким приятелем Муханова, сблизился и с Соломирским: Пушкин подарил ему сочинения Байрона, сделав на книге надпись в весьма дружественных выражениях. Тем не менее ревнивый и крайне самолюбивый Соломирский, чем чаще сходился с Пушкиным у князя Урусова, тем становился угрюмее и холоднее к своему приятелю. Особенное внимание, которое встречал Пушкин в этом семействе, и в особенности внимание молодой княжны <Софьи Урусовой, которой поэт был увлечен - авт.>, возбуждало в нем сильнейшую ревность. Пушкин, шутя и балагурия, рассказал что-то смешное о графине А.В. Бобринской. Соломирский, мрачно поглядывавший на Пушкина, по окончании рассказа счел нужным обидеться. - «Как вы смели отозваться неуважительно об этой особе?» - задорно обратился он к Пушкину. - Я хорошо знаю графиню, это во всех отношениях почтенная особа, я не могу допустить оскорбительных о ней отзывов» < ... > - «Зачем же вы не остановили меня, когда я только начинал рассказ?» - отвечал Пушкин. - Почему вы мне не сказали раньше, что знакомы с графиней Бобринской? А то вы спокойно выслушали весь рассказ, и потом каким-то докихотом становитесь в защитники этой дамы и берете ее под свою проекцию». Вся эта сцена произошла в довольно тесном кружке обычных гостей князя Урусова <.. > Затем разговор в тот же вечер не имел никаких последствий, и все разъехались по домам, не обратив на него никакого внимания. Но на другой же день рано утром на квартиру к Муханову явился Пушкин. С обычною своею живостью он передал, что в это утро получил от Соломирского письменный вызов на дуэль, и, ни минуты не мешкая, отвечал ему, письменно же, согласием, что у него был уже секундант Соломирского, А.В. Шереметев, и что он послал его

для переговоров об условиях дуэли к нему, Муханову, которого и просит быть секундантом. - Только что уехал Пушкин, к Муханову явился Шереметев. Муханов повел переговоры о мире. Но Шереметев, войдя серьезно в роль секунданта, требовал, чтобы Пушкин, если не будет драться, извинился перед Соломирским < ... > Шереметев понял наконец, что эта история падет всем позором на головы секундантов в случае, если будет убит или ранен Пушкин, и что надо предотвратить эту роковую случайность и не подставлять лоб гениального поэта под пистолет взбалмошного офицера. Шереметев поспешил уговориться с Мухановым о средствах к примирению противников. В то же утро Шереметев привел Соломирского к С.А. Соболевскому, на Собачью Площадку, у которого жил в то время Пушкин. Сюда же пришел Муханов, и, при дружных усилиях обоих секундантов и при посредничестве Соболевского, имевшего < .. > большое влияние на Пушкина, примирение состоялось. Подан был роскошный завтрак, и, с бокалами шампанского, противники, без всяких извинений и объяснений, проглотили друг другу руки» [Семевский М.И. К биографии Пушкина // (Вересаев В.В. Т.2. С.326-328)].

Столкновение с де Лагрене (январь-октябрь 1828). Петербург

В 1828 году у Пушкина произошло столкновение с секретарем французского посольства в Петербурге Теодосом-Марие Мельхиором Жозефом Лагрене (Lagrene). Благодаря вмешательству литератора, друга Е.А. Боратынского, впоследствии председателя московского Общества любителей словесности Николая Васильевича Путяты инцидент был исчерпан.

А. Пушкин - Н.В. Путяте. Январь -- середина октября 1828 (?). СПб. (фр.)

Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагрене, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его услышал: прогоните его. Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать посетить г-на де Лагрене для соответственных с ним переговоров.

Пушкин.

Ответьте, пожалуйста.

«Не хвастаюсь дружбой с Пушкиным, но в доказательство некоторой приятности его и расположения ко мне могу предоставить ... записку его на французском языке. Пушкин прислал мне эту записку со своим кучером и дрожками. Содержание записки меня смутило, вот она <текст записки на фр. языке – авт.>: Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагрене, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его услышал: прогоните его. Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать. посетить г-на Лагрене для соответственных с ним переговоров. Пушкин.

Я тотчас сел на дрожки Пушкина и поехал к нему. Он с жаром и негодованием рассказал мне случай, утверждал, что точно слышал обидные для него слова, объяснил, что записка написана им в такой форме и так церемонно именно для того, чтобы я мог показать ее Лагрене, и настаивал на том, чтобы я требовал от него удовлетворения. Нечего было делать: я отправился к Лагрене, с которым был хорошо знаком, и показал ему записку. Лагрене с видом удивления оговаривался, что он никогда не произносит приписываемых ему слов,

что, вероятно, Пушкину дурно послышалось, что он не позволит бы себе ничего подобного, особенно в отношении к Пушкину, которого глубоко уважал как знаменитого поэта России, и рассыпался в изъявлениях этого рода

Пользуясь таким настроением, я спросил у него, готов ли он повторить то же самое Пушкину. Он согласился, и мы тотчас отправились с ним к Александру Сергеевичу. Объяснение произошло в моем присутствии, противники подали руку друг другу, и дело тем кончилось. На другой день мы завтракали в Лагрене с некоторыми из наших общих приятелей» [Из записной книжки Н.В. Пуляты // Бартецев П.И. С.420-421].

Участие Пушкина в дуэли офицеров Д.П. Папкова и Н.М. Караяни (весна-лето 1829). Карагач, Кахетия

Летом 1829года Пушкин посетил Кахетию. В селении Карагач, штаб-квартире Нижегородского драгунского полка, в трех верстах от Царских Колодцев (ныне Цители Цкаро), произошло столкновение, известное лишь по малодостоверным воспоминаниям П.Г. Ханжонкова.

В Карагаче Пушкин остановился в доме прапорщика Нижегородского драгунского полка Дмитрия Поликарповича Папкова. Вечером, при стечении гостей, произошла ссора Папкова с Николаем Михайловичем Караяни, офицером конной донской артиллерии, причина которой неизвестна. Все попытки примирить противников оказались тщетны, и дуэль была назначена на следующее утро в рощице у стен древнего замка царицы Тамары. Описание поединка, данное Ханжонковым, сомнительно, так как маловероятно, чтобы Пушкин превратил «дело чести» в банальный водевиль.

«Вот начало рассветать, и все офицеры, кроме Мадатова <азербайджанский поэт, свидетель Караяни - авт.>, вышли от Пушкина с большою осторожностью, направляясь к рощице, к которой через полчаса приехали Караяни и Мадатов, а вслед за ними и Пушкин с Папковым. Пушкин поздоровался с Караяни и Мадатовым, переговорил с посредниками, и когда соперники стали на указанных местах с пистолетами, обращаясь к ним, сказал «Господа, прошу слушать команду - стрелять по третьему разу ... начинаю . раз. »

Вдруг заиграл оркестр, искусно скрытый в рощице, а мы, офицеры, каждый с двумя бумылками пиаппанского в руках, мгновенно стали между Караяни и Папковым <... > Такая неожиданность сильно их озадачила, и они зароптали, особенно Караяни. Но тут уже Александр Сергеевич действовал как истинный гений - примиритель, и говорил с такой силой и увлечением, что не только мы, но и соперники были тронуты. Помню слова его: «Господа, если совершится убийство, то оно погубит и меня с вами, и всех нас. Умоляю вас именем Бога и России -- помиритесь!»

Пушкин был странно взволнован, тяжело дышал, и сверкающие глаза его наполнились слезами, быстро подошел он то к Караяни, то к Папкову, но они не поддавались. Наконец Папков опустил пистолет, подошел к Караяни и

сказал: «Караяши, я не прав перед гобою за сказанные вчера оскорбительные слова и прошу меня извинить».

Караяши подал руку Папкову. Все обрадовалось и бросилось целовать Караяши, Папкова и Пушкина» [П. Ханжонков П.Г. Рассказ Кавказского ветерана о Пушкине // Советская культура. 1974. №45. С.5].

К сожалению, ограниченные размеры *журнальной статьи* не позволяют автору остановиться на дуэльных столкновениях 1836 года (с В.А. Соллогубом из-за его неосторожной фразы о Наталье Николаевне, с Н.Г. Репниным из-за пушкинского памфлета «На выздоровление Лукулла, с С.С. Хлюстиным по литературным вопросам) и на материалах к несостоявшейся дуэли с Ж. д'Антесом в ноябре 1836 года. Отсылаю к источникам:

Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987.

Абрамович С.Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб., 1994.

Последний год жизни Пушкина. М., 1990.

Сводная таблица поединков и вызовов А.С. Пушкина

Дата и место	Комментарии
15 июля ... 18 августа 1817. Михайловское.	Ссора с дядей Семеном Исааковичем Ганнибалом на вечере во время танцев из-за девицы Лошаковой. Пушкин вызывает дядю, но вскоре они мирятся.
9 сентября ... 29 (?) декабря 1819. СПб.	Поединок с В. К. Кюхельбекером из-за пушкинской эпиграммы «За ужином объелся я ...». Секундант Пушкина И. Пущин (?), Кюхельбекера - А. Дельвин (?). После выстрела Кюхельбекера противники мирятся.
Июль (?) 1818 ... 1819. СПб.	Пушкин вступает за Никиту Козлова, побитого М. Корфом, и вызывает последнего. Корф от дуэли отказался.
Декабрь 1919. СПб.	Столкновение в театре с майором Денисевичем. И.И. Лажечников уговаривает Денисевича извиниться. Один из секундантов Пушкина - П.А. Катенин (?).
Сентябрь 1817 ... 19 марта 1820. СПб.	В квартире Тургеневых Н.И. Тургенев в присутствии А.И. Тургенева «ругает и усовещает» Пушкина «за его тогдашние эпиграммы и пр. против правительства»
Январь 1820. СПб.	После сплетни, пущенной Ф. Толстым, о том, что Пушкин был высечен в секретной канцелярии, поэт дерется с неизвестным (возможно, что с К. Рылевым, но точка зрения спорна).
25 октября (?) ... 31 октября 1820. Кишинев.	Ссора во время бильярдной игры после жженки с А.П. Алексеевым и Ф.Ф. Орловым. их Пушкин вызывает на поединок. Примирение на другой день при посредничестве И.П. Липрацци.

Лето (?) 1821 Кишинев.	Столкновение с Иллери из-за его жены.
6 июня 1821. Кишинев.	Письмо к Делпчи, с резкой отповедью в ответ на отказ принять вызов.
5 - 6 января 1822. Кишинев.	5 января на танцевальном вечере Пушкин вызывает командира 31-го егерского полка С.Н. Старова, вступившего за своего офицера. 6 января в сильную метель происходит поединок при сближающихся барьерах. Секундант Пушкина - Н.С. Алексеев. Из-за непогоды дуэль откладывается; 8 января противники помирились.
20 - 25 января 1822. Кишинев.	Столкновение с Н.Н. Лановым за обедом у Инзова. В ответ Ланову, назвавшего Пушкина «мочокососом», тот называет его «винососом» и вызывает на дуэль. Дуэли не происходит - поэт пускает по рукам оппонента «Бранись, ворчи бо тван бо лванов...»
6 - 8 марта 1822 Кишинев.	6 марта на вечеринке у 1-жи Богдан, Пушкин, сочтя себя оскорбленным ее дочерью, бурно объясняется с мужем последней Теодором Бачиш. В ответ Бачиш осыпает Пушкина ругательствами. 8 марта противников сводят для примирения; объяснения не удовлетворяют поэта, он дает пощечину Бачишу. Пушкин посажен под домашний арест.
21 июля 1822. Кишинев	За обедом у Инзова горячий спор Пушкина с оставшимся офицером Рукоевским, рассказывающем пьезицы о «раде весом в 3 фунга». После ухода Инзова решают драться на дуэли. В комнате Пушкина происходит резкое объяснение. Пушкин посажен под домашний арест.
Май (?) - июль (?) 1823 Кишинев	Поединок с офицером Генерального штаба Зубовым из-за пачетой карточной игры последнего. На поединке Пушкин ест черешню и отказывается от встречи.
1821 - 1823 Кишинев.	Поединки с неизвестными.
1 - 15 апреля 1824. Одесса.	Поединок с неизвестным
Сентябрь 1826. Москва.	Сразу после возвращения из Михайловского, Пушкин посылает вызов Ф. Толстому. Дуэль не состоялась.
15 апреля 1827. Москва.	В.Д. Соломирский вызывает Пушкина из-за ревности к княгине С.А. Урусовой. Секундант Соломирского А.В. Шереметев, Пушкина П.А. Муханов. Успехами последней о противники помирились.
Январь - октябрь 1828. СПб	Пушкин вызывает секретаря французского посольства де Лагрене из-за якобы сказанной им неуважительной фразы о поэте при даме. Секундант Пушкина Н.В. Пугача улаживает недоразумение.
Лето 1829. Караич (Кахетия).	Пушкин расстривает дуэль офицеров Д.П. Папкова и Н.М. Караяши.
Октябрь 1835	В октябре 1835 года на вечере у Карамзиных

5 мая 1836.	В.А. Солдугуб сказал неосторожную фразу в присутствии Н.Н. Пушкиной. Пушкин вызывает Солдугуба. 1 мая 1836 года он специально приезжает в Тверь, но Солдугуба не было в городе. 5 мая у секунданта Пушкина П.В. Нащокина происходит примирение.
3 - 4 февраля 1836. СПб.	3 февраля 1836 года за обедом у Пушкина происходит столкновение с С.С. Хлюстиным по литературному вопросу. После обмена письмами С.А. Соболевскому удается примирить противников.
5 - 11 февраля 1836. СПб	Переписка с Н.Г. Репниным.
4 - 17 ноября 1836. СПб.	4 ноября 1836 года, после получения анонимных писем, Пушкин вызывает Ж. д'Антеса, в результате хлопок Л. Геккерн и В.А. Жуковского поединок не состоялся.
27 января 1837. СПб.	Около 17 часов поединок А. Пушкина и Ж. д'Антеса на Черной речке. Секунданты: К. Данзас и О. д'Аришак. Пушкин смертельно ранен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Абрамович С.Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. Январь 1836 - январь 1837 / Послеслов. Ю.М. Лотмана. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1994. 343 с.
- ² Бартецев П.И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников / Сост., вст. ст., коммент. А.М. Гордина. М.: Сов. Россия, 1992. 464с.
- Вересаев В.В. Пушкин в жизни Систематический свод подлинных свидетельств современников // Вересаев В.В. Собр. соч. В 4-х т. Т.2-3. М.: Правда, 1990.
- ³ Гордин Я. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб.: Пушкин-ский фонд, 1996. 288с.
- ⁴ Гордин Я. Право на поединок: Роман в документах и рассуждениях. Л.: Сов. писатель, 1989. 480с.
- ⁵ Дуэли Александра Пушкина / Сост. Каменев С.М., Москаленко Г. М. Тула: «Лев Толстой» - «Берегиня», 1994. 127 с.
- Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккерном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. - Репринтное издание 1900 г.: Сб. документов / Предисл. к репринтному изд. и очерки Д.А. Алексева. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 120с.
- ⁶ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: 1799-1826 / Сост. М.А. Цявловский. 2-е изд., непер. и допол. Л.: Наука, 1991. 784с.
- ⁷ Лотман Ю.М. Дуэль // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб.: «Искусство - СПб». 1994. С.164-179.
- ⁸ Николаев Е. Четырнадцать дуэлей Пушкина // Российская провинция. 1996. №4. С.96-103.
- ⁹ Разговоры Пушкина: Репринтное воспроизведение издания 1925 года / Собрал С. Гессен и Л. Модзалевский. М.: Политиздат 1991. 318с.
- ¹⁰ Последний год жизни Пушкина / Сост., вст. очерки, примеч. В.В. Кунина. М.: Правда, 1990. 704 с.: ил.
- ¹¹ Прометей. М.: Молод. гвардия, 1974. Т.10. 424 с.: ил.
- ¹² Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит., 1974.

- ¹⁵ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., допол. и перераб. Л.: Наука, 1998. 544 с.
- ¹⁶ Цявловская Т.Г. Невольник чести беспощадной... // Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд., пересмотр. и расшир. М.: Искусство, 1980. С.381- 405.
- ¹⁷ Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. - 4-е изд. / Вст. ст. и коммент. Л.Я. Левкович. М.: Книга 1987.